

ЗОЛОТЫЕ СТРОФЫ ВЕКА

Марина
Цветаева

ЛЮБВИ
СТАРИННЫЕ
ТУМАНЫ

Марина Ивановна Цветаева
Любви старинные туманы
Серия «Золотые строфы века»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42240258

Любви старинные туманы: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-113020-6

Аннотация

В настоящий сборник вошли стихотворения и поэмы, в частности, «Царь-девица», созданная гением Марины Цветаевой на основе сказки Александра Афанасьева. Произведения поэта расположены в хронологическом порядке, благодаря чему можно проследить развитие ее поэтического языка.

Содержание

Молитва	7
Следующей	9
Мука и мука	10
Декабрь и январь	11
Обреченная	12
От четырех до семи	13
«Не гони мою память! Лазурны края...»	14
Франкфуртская песенка	16
Даме с камелиями	18
Баловство	20
Привет из вагона	21
Последнее слово	23
Плохое оправданье	24
«И как прежде оне улыбались...»	26
Правда	27
Разные дети	28
Кроме любви	30
«Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!...»	32
Связь через сны	34
У кровати	36
Чародею	38
Так будет	40
Кошки	41

Памятью сердца	42
Не в нашей власти	43
Последняя встреча	45
Путь креста	47
«Идешь, на меня похожий...»	49
«Мы с тобою лишь два отголоска...»	51
«Сердце, пламени капризней...»	52
Бывшему чародею	53
«Идите же! – Мой голос нем...»	55
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	57
«Осыпались листья над Вашей могилой...»	59
«Под лаской плюшевого пледа...»	61
«Над Феодосией угас...»	63
«При жизни Вы его любили...»	65
Чародей	68
«Все глаза под солнцем – жгучи...»	83
«Повторю в канун разлуки...»	84
«Мне нравится, что Вы больны не мной...»	86
«Вспомните: всех голов мне дороже...»	88
«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!	89
...»	
«Что видят они? – Пальто...»	90
«В гибельном фолианте...»	92
«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!	93
...»	
«Откуда такая нежность?...»	94

«В огромном городе моем – ночь...»	95
«После бессонной ночи слабеет тело...»	96
«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»	97
«И взглянул, как в первые раза...»	99
«Соперница, а я к тебе приду...»	100
«И другу на руку легло...»	101
«Ты, мерящий меня по дням...»	102
«Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»	103
«Умирая, не скажу: была...»	104
«Ночи без любимого – и ночи...»	105
«Клонится, клонится лоб тяжелый...»	106
«Каждый стих – дитя любви...»	107
«Проще и проще...»	108
«Не смущаю, не пою...»	109
«Поступь легкая моя...»	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Марина Ивановна Цветаева

Любви старинные туманы

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнью не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:

Люби без мер и до конца люби!

Мука и мука

– «Все перемелется, будет мукой!»

Люди утешены этой наукой.

Станет мукою, что было тоской?

Нет, лучше му́кой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!

Только в тоске мы победны над скукой.

Все перемелется? Будет мукой?

Нет, лучше му́кой!

Декабрь и январь

В декабре на заре было счастье,
Длилось – миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!

В январе на заре было горе,
Длилось – час.
Настоящее, горькое горе
В первый раз!

Обреченная

Бледные ручки коснулись рояля
Медленно, словно без сил.
Звуки запели, томленьем печала.
Кто твои думы смутил,
Бледная девушка, там, у рояля?

Тот, кто следит за тобой,
– Словно акула за маленькой рыбкой –
Он твоей будет судьбой!
И не о добром он мыслит с улыбкой,
Тот, кто стоит за тобой.

С радостным видом хлопочут родные:
Дочка – невеста! Их дочь!
Если и снились ей грезы иные, –
Грезы развеются в ночь!
С радостным видом хлопочут родные.

Светлая церковь, кольцо,
Шум, поздравления, с образом мальчик...
Девушка скрыла лицо,
Смотрит с тоскою на узенький пальчик,
Где загорится кольцо.

От четырех до семи

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной – и с людьми...
Медленно тянется день
От четырех до семи!
К людям не надо – солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь – прощу,
Только меня не томи!
– Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

«Не гони мою память! Лазурны края...»

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть! –
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты – майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по легким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть завижу знакомый вдали силуэт, –
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,

Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы бывшего напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

Франкфуртская песенка

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытывая, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая, –
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду – твоя.

Ты все мне поведал – так рано!
Я все разгадала – так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижим под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...

Люблю тебя, призратно-давний,
Тебя одного – и навек!

4–9 января 1910

Даме с камелиями

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятия,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир – она!
В ней одно спасенье и защита.
Все в любви. Спи с миром, Маргарита...
Все в любви... Любила – спасена!

Баловство

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча
(Плакать смешно и стараться!),
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама...
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце...

1910

Привет из вагона

Сильнее гул, как будто выше – зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я, может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман...
Мой дальний друг, пойми – все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Все тот же смех и блески тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

Последнее слово

О, будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой, как ты, нельзя обидеть:
Суровый звук – порвется нить!
Не нам судить, не нам винить...
Нельзя за тайну ненавидеть.

В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна, от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.
Не знаем мы, где верный путь,
И не судить, а плакать надо.

Плохое оправдание

Как влюбленность старо, как любовь
забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает
наш храм.
О мучительный стыд за вечернее лишнее
слово!
О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш сад
из Эдема...
Как влюбленность – старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу, от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное
чудо:
Свет и чудо – враги!

Твой восторженный бред, светом розовых
люстр золоченный,
Будет утром смешон. Пусть его не услышит
рассвет!

Будет утром – мудрец, будет утром – холодный
ученый

Тот, кто ночью – поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша,
как могла я
Лучший вечер отдать на терзанье январскому
дню?

Только утро виню я, прошедшему вздох
посылая,

Только утро виню!

«И как прежде оне улыбались...»

И как прежде оне улыбались,
Обожая изменчивый дым;
И как прежде оне ошибались,
Улыбаясь ошибкам своим;

И как прежде оне безустанно
Отдавались нежданной волне.
Но по-новому грустно и странно
Вечерами молчали оне.

Правда

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытье...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

Разные дети

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, –
Они не играют с огнем.

Есть дети – как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осеня,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
«Огня побоялась – так гибни во мгле!»
Твои обвиненья мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле...

– Мой милый, был так беспощаден твой суд! –

Но все же я сердцем твоя – и во мгле

«За несколько светлых минут!»

Кроме любви

Не любила, но плакала. Нет, не любила,
но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего
зала,
Только мы – ты и я – принесли ему жалобный
стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность – других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково
кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать
не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная
нота
В пробужденье души.

В этой грустной душе ты бродил, как
в незапертом доме...
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня

не зови!

Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной – любви.

«Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!...»

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, –
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети – тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!

Москва, 27 ноября 1910

Связь через сны

Все лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных век...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Все мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочетал.

Я не молю: «О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему, Боже,
Сон про меня!»

Пусть я при встрече с тобою бледнею, —
Как эти встречи грустны!
Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

У кровати

Вале Генерозовой

– «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки»...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

– «Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела»...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

«Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, – и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шёлк расчесала кудрей.

– «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг»...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

– «Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок»...

Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

Чародею

Рот как кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.

Над тобою и днем не слабели
В дальнем детстве сказанья ночей,
Оттого ты с рожденья – ничей,
Оттого ты любил – с колыбели.

О, как многих любил ты, поэт:
Темнооких, светло-белокурых,
И надменных, и нежных, и хмурых,
В них вселяя свой собственный бред.

Но забвение, ах, на груди ли?
Есть ли чары в земных голосах?
Исчезая, как дым в небесах,
Уходили они, уходили.

Вечный гость на чужом берегу,
Ты замучен серебряным рогом...
О, я знаю о многом, о многом,
Но откуда – сказать не могу.

Оттого тебе искры бокала
И дурман наслаждений бледны:
Ты возлюбленный Девы-Луны,
Ты из тех, что Луна приласкала.

Так будет

Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем
взоре,

Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый – не мой!

Дверь открылась... Морозного ветра струя...
Запах свежести, счастья... Забыты тревоги...
Миг молчанья, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется – не я!

Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше...
– «Пусть сольются без слов наши души!»
Ты взволнованно шепчешь – не мне!

– «Сколько книг!.. Мне казалось...

Не надо огня:

Так уютней... Забыла сейчас все слова я...»
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой – не меня!

Кошки

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

Лето 1911

Памятью сердца

Памятью сердца – венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером – нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
«Все заживает», – мне люди сказали...
Вечером – нет.

Не в нашей власти

Возвращение в жизнь – не обман, не измена.
Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы
(Разве может солгать, – ошибается бред!),
Но проходят недели, – мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг – на печаль или радость –
Мы и душу и сердце, мы все отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

Последняя встреча

О, я помню прощальные речи,
Их шептавшие помню уста.
«Только чистым даруются встречи.
Мы увидимся, будь же чиста».

Я учителю молча внимала.
Был он нежность и ласковость весь.
Он о «там» говорил, но как мало
Это «там» заменяло мне «здесь»!

Тишина посылается роком, —
Тем и вечны слова, что тихи.
Говорил он о самом глубоком,
Баратынского вспомнил стихи;

Говорил о игре отражений,
О лучах закатившихся звезд...
Я не помню его выражений,
Но улыбку я помню и жест.

Ни следа от бывшего недуга,
Не мучительно бремя креста.
Только чистые узрят друг друга, —
Мой любимый, я буду чиста!

Путь креста

Сколько светлых возможностей ты погубил,
не желая.

Было больше их в сердце, чем в небе
сияющих звезд.

Лучезарного дня после стольких мучений
ждала я.

Получила лишь крест.

Что горело во мне? Назови это чувство
любовью,

Если хочешь, иль сном, только правды
от сердца не скрой:

Я сумела бы, друг, подойти к твоему изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко
и смело,

Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных
книг.

Как больное дитя я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.

Сколько светлых возможностей, милый,
и сколько смятений!

Было больше их в сердце, чем в небе сияющих
звезд...

Но во имя твое я без слез – мне свидетели тени –
Поднимаю свой крест.

«Идешь, на меня похожий...»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

«Мы с тобою лишь два отголоска...»

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

«Сердце, пламени капризной...»

Сердце, пламени капризной,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок – мимо!
Все, что неосуществимо,
Я сама осуществляю.

Всем случайностям навстречу!
Путь – не все ли мне равно?
Пусть ответа не дано, –
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Все, чего не будет в жизни,
Я найду в своих стихах!

Коктебель, 22 мая 1913

Бывшему чародею

Вам сердце рвет тоска, сомнение в лучшем сея.

– «Брось камнем, не щади! Я жду, больней
ужаль!»

Нет, ненавистна мне надменность фарисея,
Я грешников люблю, и мне вас только жаль.

Стенами темных слов, растущими во мраке,
Нас, нет, – не разлучить! К замкам найдем
ключи

И смело подадим таинственные знаки
Друг другу мы, когда задремлет все в ночи.

Свободный и один, вдали от тесных рамок,
Вы вновь вернетесь к нам с богатою ладьей,
И из воздушных строк возникнет стройный
замок,

И ахнет тот, кто смел поэту быть судьей!

– «Погрешности прощать прекрасно, да,
но эту –
Нельзя: культура, честь, порядочность...
О нет».

– Пусть это скажут все. Я не судья поэту,
И можно все простить за плачущий сонет!

«Идите же! – Мой голос нем...»

Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других –
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей

На ласковой земле!

– К вам всем, – что мне, ни в чем
Не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.
И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*,
За то, что мне так часто – слишком
грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

«Осыпались листья над Вашей могилой...»

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой – так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала –
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И если для целого мира Вы мертвый,

Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду!
– Что ленты от Ваших венков! –
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
– Письмо в бесконечность. – Письмо
в беспредельность –
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

«Под лаской плюшевого пледа...»

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

«Над Феодосией угас...»

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

«При жизни Вы его любили...»

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но если в Вас уже успела
Остыть любовь –

К любовнику – любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, –
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили
И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле –
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног –
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь – безумие и пыл!
Припомните, с какою жадой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните бывшие клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,

Одна из вас –

Неданной клятвы не нарушу
– Жизнь! – Карие глаза твои! –
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

30 августа 1914

Чародей

Анастасии Цветаевой

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернер – наш чародей,
Наш принц и рыцарь. – Был нам всем он
Среди людей!
В нем было столько изобилий,
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили –
Одну весну.
Один его звонок по зале –
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали
Глаза и лоб.
И как бы шевелились корни
Волос, – о, эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И уже – грудь.
И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.
– Семь раз в течение недели
Такой звонок!

Он здесь. Наш первый и последний!
И нам принадлежащий весь!
Уже выходит из передней!
Он здесь, он здесь!
Он вылетает к нам, как птица,
И сам влетает в нашу сеть!
И сразу хочется кружиться,
Кричать и петь.

*

Прыжками через три ступени
Взбегаем лесенкой крутой
В наш мезонин – всегда весенний
И золотой.
Где невозможный беспорядок –
Где точно разразился гром
Над этим ворохом тетрадок
Еще с пером.
Над этим полчищем шарманок,
Картонных кукол и зверей,
Полуобгрызанных баранок,
Календарей,
Неописуемых коробок,
С вещами не на всякий вкус,
Пустых флакончиков без пробок,
Стеклянных бус,
Чьи ослепительные грозди
Clinguantes, éclatantes grappes¹ –

¹ Звенящие, лопающиеся гроздьи (фр.)

Звения опутывают гвозди
Для наших шляп.
Садимся – смотрим – знаем – любим,
И чуем, не спуская глаз,
Что за него себя погубим,
А он – за нас.
Два скакуна в огне и в мыле –
Вот мы! – Лови, когда не лень! –
Мы говорим о том, как жили
Вчерашний день.
О том, как бегали по зале
Сегодня ночью при луне,
И что и как ему сказали
Потом во сне.
И как – и мы уже в экстазе! –
За наш непокоримый дух
Начальство наших двух гимназий
Нас гонит двух.
Как никогда не выйдем замуж,
– Так и останемся втроем! –
О, никогда не выйдем замуж,
Скорей умрем!
Как жизнь уже давным-давно нам –
Сукно игорное: – vivat!
За Иоанном – в рай, за доном
Жуаном – в ад.

*

Жерло заговорившей Этны –

Его заговоривший рот.
Ответный вихрь и смерч, ответный
Водоворот.
Здесь и проклятья, и осанна,
Здесь все сжигает и горит.
О всем, что в мире несказанно,
Он говорит.
Нас – нам казалось – насмерть рая
Кинжалами зеленых глаз,
Змеей взвиваясь на диване!..
О, сколько раз
С шипеньем раздраженной кобры,
Он клял вселенную и нас, –
И снова становился добрый...
Почти на час.
Чревовещание – девизы –
Витийства – о, король плутов! –
Но нам уже доносят снизу,
Что чай готов.

*

Среди пятипудовых теток
Он с виду весит ровно пуд:
Так легок, резок, строен, четок,
Так страшно худ.
Да нет, – он ничего не весит!
Он ангельски – бесплотно – юн!
Его лицо, как юный месяц,
Меж полных лун.

Упершись в руку подбородком, —
О том, как вечера тихи,
Читает он. — Как можно теткам
Читать стихи?!

*

О, как он мил, и как сначала
Преувеличенно-учтив!
Как, улыбаясь, прячет жало
И как, скрестив
Свои магические руки,
Умеет — берегись, сосед! —
Любезно отдаваться скуке
Пустых бесед.
Но вдруг — безудержно и сразу! —
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом.
Еще за полсекунды чинный,
Уж с пеной у рта взвел курок. —
Прощай, уют, и именинный,
Прощай, пирог!

*

Чай кончен. Удлинились тени,
И домурлыкал самовар.
Скорей на свежий, на весенний
Тверской бульвар!
Нам так довольно о Бодлере!
Пусть ветер веет нам в лицо!

Поют по-гоголевски двери,
Скрипит крыльцо. —
В больших широкополых шляпах
Мы, кажется, еще милей...
— И этот запах, этот запах
От тополей.
Бульвар сверкает. По дорожке
Косые длинные лучи.
Бегут серсо, за ними ножки,
Летят мячи,
Другие остаются в сетках.
Вот мальчик в шапочке «Варяг»
На платице в шотландских клетках
Направил шаг.
Сияют кудри, щечки, глазки,
Ревун надулся и охрип.
Скрипят колесами коляски,
— Протяжный скрип. —
Там мама наблюдает зорко
За девочкой с косой, как медь.
В одной руке ее — ведерко,
В другой — медведь.
Какой-то мальчик просит каши.
Ох, как он, бедный, не дорос
До гимназической фуражки
И папирос!
О вейтесь, кудри, вейтесь, ленты!
Увы, обратно нет путей!
Проходят парами студенты

Среди детей.

Играет солнце по аллеям...

– Как жизнь прелестна и проста! –

Нам ровно тридцать лет обеим:

Его лета.

*

О, как вас перескажешь ныне –

Четырнадцать – шестнадцать лет!

Идем, наш рыцарь посредине,

Наш свой – поэт.

Мы по бокам, как два привеска,

И видит каждая из нас:

Излом щеки, сухой и резкий,

Зеленый глаз,

Крутое острие бородки,

Как злое острие клинка,

Точеный нос и очерк четкий

Воротничка.

(Кто с нашим рыцарем бродячим

Теперь бредет в луче златом?..)

Над раскаленным, вурдалачьим,

Тяжелым ртом, –

Уса, взлетевшего высоко,

Надменное полукольцо...

– И все заглядываем сбоку

Ему в лицо.

А там, в полях необозримых,

Служа Небесному Царю,

Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю.

*

На всем закат пылает алый,
Пылают где-то купола,
Пылают окна нашей залы
И зеркала.
Из черной глубины рояля
Пылают гроздья алых роз.
– «Я рыцарь Розы и Грааля,
Со мной Христос,
Но шел за мной по всем дорогам
Тот, кто присутствует и здесь.
Я между Дьяволом и Богом
Разорван весь.
Две правды – два пути – две силы –
Две бездны: Данте и Бодлер!»
О, как он по-французски, милый,
Картавил «эр».
Но, милый, Данте ты оставишь,
И с ним Бодлера, дорогой!
Тихонько нажимаем клавиш,
За ним другой –
И звуки – роем пчел из улья –
Жужжат и вьются – кто был прав?!
Наш Рыцарь Розы через стулья
Летит стремглав.
Он, чуть ли не вселенной старше –

Мальчишка с головы до пят!
По первому аккорду марша
Он весь – солдат!
Чу! – Звон трубы! – Чу! – Конский топот!
Треск барабана! – Кивера!
Ах, к черту ум и к черту опыт!
Ура! Ура!
Он Тот, в чьих белых пальцах сжаты
Сердца и судьбы, сжат весь мир.
На нем зеленый и помятый
Простой мундир.
Он Тот, кто у кремлевских башен
Стоял во весь свой малый рост,
В чьи вольные цвета окрашен
Аркольский мост.

*

Должно быть бледны наши лица,
Стук сердца разрывает грудь.
Нет времени остановиться,
Нет сил – вздохнуть.
Магической силой руки
По клавишам – уже летят!
Гремят вскипающие звуки,
Как водопад.
Цирк, раскаленный, как Сахара,
Сонм рыжекудых королев.
Две гордости земного шара:
Дитя и лев.

Под куполом – как царь в чертоге
Красуется британский флаг.
Расставив клетчатые ноги,
Упал дурак...
В плаще из разноцветных блесток,
Под говор напряженных струн,
На площадь вылетел подросток,
Как утро – юн!
– Привет, милэди и милорды! –
Уже канат дрожит тугой
Под этой маленькой и твердой
Его ногой.
В своей чешуйке многозвездной,
– Закончив резвый пируэт, –
Он улыбается над бездной,
Подняв берет.

*

Рояль умолкнул. Дребезжащий
Откуда-то – на смену – звук.
Играет музыкальный ящик,
Старинный друг,
Весь век до хрипоты, до стоны,
Игравший трио этих пьес:
Марш кукол – Auf der Blauen Donau² –
И экосез.
В мир голосов и гобеленов
Открылась тайная тропа:

² На Голубом Дунае (нем.)

О, рай златоволосых венков!

О, вальс в три па!

Под вальс невинный, вальс старинный

Танцуют наши три весны, –

Холодным зеркалом гостиной –

Отражены.

Так, залу окружив трикраты,

– Тройной тоскующий тростник, –

Вплываем в царство белых статуй

И старых книг.

На вышке шкафа, сер и пылен,

Видавший лучшие лета,

Угрюмо восседает филин

С лицом кота.

С набитым филином в соседстве

Спит Зевс, тот непонятный дед,

Которым нас пугали в детстве,

Что – людоед.

Как переполненные соты –

Ряд книжных полок. Тронул блик

Пергаментные переплеты

Старинных книг.

*

Цвет Греции и слава Рима, –

Неисчислимы тома!

Здесь – сколько б солнца ни внесли мы,

Всегда зима.

Последним солнцем розовея,

Распахнутый лежит Платон...
Бюст Аполлона – план Музея –
И все – как сон.

*

Уже везде по дому ставни
Захлопываются, стуча.
В гостиной – где пожар недавний? –
Уж ни луча.
Все меньше и все меньше света,
Все ближе и все ближе стук...
Уж половина кабинета
Ослепла вдруг.
Еще единым мутным глазом
Белеет левое окно.
Но ставни стукнули – и разом
Совсем темно.
Самозабвение – нирвана –
Что, фениксы, попались в сеть?! –
На дальних валиках дивана
Не усидеть!
Уже в углу вздохнуло что-то,
И что-то дрогнуло чуть-чуть.
Тихонько скрипнули ворота:
Кому-то в путь.
Иль кто-то держит путь обратный
– Уж наши руки стали льдом –
В замороженный, невозвратный
Наш старый дом.

Мать под землей, отец в Каире...

Еще какое-то пятно!

Уже ничто смешное в мире

Нам не смешно.

Уже мы поняли без слова,

Что белое у шкафа – гроб.

И сердце, растеряв подковы,

Летит в галоп.

*

– «Есть в мире ночь. Она беззвездна.

Есть в мире дух, он весь – обман.

Есть мир. Ему название – бездна

И океан.

Кто в этом океане плавал –

Тому обратно нет путей!

Я в нем погиб. – Обратно, Дьявол!

Не тронь детей!

А вы, безудержные дети,

С умом, пронзительным, как лед, –

С безумьем всех тысячелетий,

Вы, в ком поет,

И жалуется, и томится –

Вся несказанная земля!

Вы, розы, вы, ручьи, вы, птицы,

Вы, тополя –

Вы, мертвых Лазарей из гроба

Толкающие в зелень лип,

Вы, без кого давным-давно бы

Уже погиб

Наш мир – до призрачности зыбкий
На трех своих гнилых китах –
О, золотые рыбки! – Скрипки
В моих руках! –
В короткой юбочке нелепой
Несущие богам – миры,
Ко мне прижавшиеся слепо,
Как две сестры,
Вы, чей отец сейчас в Каире,
Чьей матери остыл и след –
Узнайте, вам обеим в мире
Спасенья нет!
Хотите, – я сорву повязку?
Я вам открою новый путь?»
«Нет, – лучше расскажите сказку
Про что-нибудь...»

*

О Эллис! – Прелесть, юность, свежесть,
Невинный и волшебный вздор!
Плач ангела! – Зубовный скрежет!
Святой танцор,
Без думы о насущном хлебе
Живущий – чем и как – Бог весть!
Не знаю, есть ли Бог на небе! –
Но, если есть –
Уже сейчас, на этом свете,
Все до единого грехи
Тебе отпущены за эти

Мои стихи.

О Эллис! – Рыцарь без измены!

Сын голубейшей из отчизн!

С тобою раздвигались стены

В иную жизнь...

– Где б ни сомкнулись наши веки

В безлюдии каких пустынь –

Ты – наш и мы – твои. Во веки

Веков. Аминь.

15 февраля – 4 мая 1914

«Все глаза под солнцем – жгучи...»

Все глаза под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, –

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
– Он тебе знаком –
Все проснется – только свистни
Под моим окном.

22 февраля 1915

«Повторю в канун разлуки...»

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

И глаза – кого-кого-то
Взглядом не дарят! –
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью – видит Бог! –
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
– Слушать не спеши! –
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
– Все равно – канун! –
Этот рот до поцелуя
Твоего был юн.

Взгляд – до взгляда – смел и светел,
Сердце – лет пяти...
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

28 апреля 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,

За солнце не у нас над головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.

3 мая 1915

«Вспомяните: всех голов мне дороже...»

Вспомяните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... – Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!...»

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы – протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута, и я обокрадена, –
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд – поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, –
Умирующего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
– Свежий холмик меж других бугорков! –
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

«Что видят они? – Пальто...»

Что видят они? – Пальто
На юношеской фигуре.
Никто не узнал, никто,
Что полы его, как буря.

Остер, как мои лета,
Мой шаг молодой и четкий.
И вся моя правота
Вот в этой моей походке.

А я ухожу навек
И думаю: день весенний
Запомнит мой бег – и бег
Моей сумасшедшей тени.

Весь воздух такая лесть,
Что я быстроту удвою.
Нет ветра, но ветер есть
Над этою головою!

Летит за крыльцом крыльцо,
Весь мир пролетает сбоку.
Я знаю свое лицо.
Сегодня оно жестоко.

Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг
Мой лоб рассекает – тучи!

Вознесение 1915

«В гибельном фолианте...»

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Ars Amandi
Женщине – вся земля.

Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

29 сентября 1915

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!...»

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет выюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

«Откуда такая нежность?...»

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
– Откуда такая нежность? –
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая – о нежность! –
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

18 февраля 1916

«В огромном городе моем – ночь...»

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни – как нитка золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

17 июля 1916, Москва

«После бессонной ночи слабеет тело...»

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим.
В медленных жилах еще занывают стелы –
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

19 июля 1916

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила –
лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной
ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты –
О проклятие! – у тебя остаешься – ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, –
Оттого что мир – твоя колыбель, и могила –
мир!

15 августа 1916

«И взглянул, как в первые раза...»

И взглянул, как в первые раза
Не глядят.
Черные глаза глотнули взгляд.

Вскинула ресницы и стою.
– Что, – светла? –
Не скажу, что выпита дотла.

Все до капли поглотил зрачок.
И стою.
И течет твоя душа в мою.

7 августа 1916

«Соперница, а я к тебе приду...»

Соперница, а я к тебе приду
Когда-нибудь, такую ночью лунной,
Когда лягушки воют на пруду
И женщины от жалости безумны.

И, умиляясь на биенье век
И на ревнивые твои ресницы,
Скажу тебе, что я – не человек,
А только сон, который только снится.

И я скажу: – Утешь меня, утешь,
Мне кто-то в сердце забивает гвозди!
И я скажу тебе, что ветер – свеж,
Что горячи – над головою – звезды...

8 сентября 1916

«И другу на руку легло...»

И другу на руку легло
Крылатки тонкое крыло.
Что я поистине крылата,
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки...
И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

21 сентября 1916

«Ты, мерящий меня по дням...»

Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям –
Шатался – под луной огромной?

И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?

Каким я голосом во сне
Шепчу – слышал? – О, дым и пепел! –
Что можешь знать ты обо мне,

Раз ты со мной не спал и не пил?

7 декабря 1916

«Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»

Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.

Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есть! – а я скажу: – когда-то...

6 июня 1918

«Умирая, не скажу: *была...*»

Умирая, не скажу: *была*.

И не жаль, и не ищу виновных.

Есть на свете поважней дела

Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты, – крылом стучавший в эту грудь,

Молодой виновник вдохновенья –

Я тебе повелеваю: – будь!

Я – не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

«Ночи без любимого – и ночи...»

Ночи без любимого – и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому –
Кто от века не был – и не будет,
Кто не может быть – и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен – вниз...

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется – Жизнь.

Между 30 июня и 6 июля 1918

«Клонится, клонится лоб тяжелый...»

Клонится, клонится лоб тяжелый,
Колосом клонится, ждет жнеца.
Друг! Равнодушие – дурная школа!
Ожесточает оно сердца.

Жнец – милосерден: сожнет и свяжет,
Поле опять прорастет травой...
А равнодушного – Бог накажет!
Страшно ступать по душе живой.
Друг! Неизжитая нежность – душит.
Хоть на алтын полюби – приму!
Друг равнодушный! – Так страшно слушать
Черную полночь в пустом доме!

Июль 1918

«Каждый стих – дитя любви...»

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто отец? – Может – царь.
Может – царь, может – вор.

14 августа 1918

«Проще и проще...»

Проще и проще
Пишется, дышится.
Зорче и зорче
Видится, слышится.

Меньше и меньше
Помнится, любится.
– Значит, уж скоро
Посох и рубище.

26 августа 1918

«Не смущаю, не пою...»

Не смущаю, не пою
Женскою отравою.
Руку верную даю –
Пишущую, правую.

Той, которою крещу
На ночь – ненаглядную.
Той, которою пишу
То, что Богом задано.

Левая – она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука –
Праведная, правая!

23 октября 1918

«Поступь легкая моя...»

Поступь легкая моя,
– Чистой совести примета –
Поступь легкая моя,
Песня звонкая моя –

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
– Ты не женщина, а птица,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.